

УДК 94(5746)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КАЗАХСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: УСИЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ РОССИИ В СРЕДНЕМ ЖУЗЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX вв.

К.Ж. Нурбаев

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Республика Казахстан

E-mail: yernur_rakhimov@mail.ru

Раскрываются особенности казахско-русских взаимоотношений в конце XVIII – первой четверти XIX вв. Анализируя источники, автор приходит к выводу о том, что в этот период происходило постепенное укрепление политического влияния России в Среднем жузе.

Несмотря на значительное усиление границы со степью во второй половине XVIII века, связанное с падением могущественного Джунгарского ханства, строительство укрепленных линий и концентрацию войск на южных рубежах, Россия не могла обеспечить безопасность сельскохозяйственных районов Западной Сибири, надеясь только на военную силу. На сибирских линиях, раскинутых на огромном пространстве, царская администрация в XVIII столетии располагала войсками, никогда не превышавшими численность в 10 тыс. чел., в то время как казахи, в случае необходимости, могли выставить несколько десятков тысяч воинов. По мнению П. Рычкова, в середине XVIII в. Младший и Средний жузы могли собрать 40...50 тыс. воинов. Худшая оснащённость огнестрельным оружием и междоусобицы компенсировались многочисленностью казахов-кочевников, но все же усобицы и раздоры, в частности, в Среднем жузе, в значительной степени способствовали усилению политического влияния России среди отдельных представителей казахской знати, имевших достаточно высокий авторитет в казахских родах. Поэтому российские власти из вышеперечисленных соображений уделяли большое внимание налаживанию мирных отношений с народами, проживавшими в сопредельных с Сибирью районах, в первую очередь, с казахами Среднего жуза.

Как известно, в 1740 г. приняли подданство России казахи Среднего жуза, однако говорить, что казахские жузы вошли в этот период в состав Российской империи, не приходится. Институт подданства означал подвластность подданных монарху, создание между ними устойчивой правовой связи, установление взаимных прав и обязанностей подданных и государства в лице монарха. Отношения между казахами и русскими этим условиям не отвечали, что было отмечено еще дореволюционными исследователями. Например, М. Терентьев писал: «Вообще подданство киргиз было престранное: податей они никаких не платили, повинностей не несли ...» [1. С. 57–58]. Территория казахских жузов не была включена в состав России, наоборот, между «российскими землями» (бывшими казахскими землями) и казахской степью устанавливается граница в виде оборонительных линий. Вплоть до 1782 г. отно-

шения с казахскими жузами строились через Коллегию иностранных дел (полномочным представителем являлась Оренбургская администрация), а в целом пограничная система управления в Среднем жузе сохранялась до 1822 г. [2. С. 270]. Признавая казахов подданными России, официальная дипломатия называла прибывавших ко двору казахских представителей посланниками и послами (депутатами, как представителей населения России, их стали называть после 1782 г.) [3. С. 250–251].

В период становления казахско-русских отношений наибольшим авторитетом в Среднем жузе пользовались хан Абулмамбет, султаны Абылай и Барак. Царская администрация надеялась, что с принятием подданства казахи прекратят совершать набеги на российские селения, перестанут грабить идущие в Россию из Средней Азии торговые караваны (согласно тексту присяги казахские родоуправители должны были обеспечивать их безопасность). Также ей рассматривалась возможность использования казахов против других кочевых народов. В частности, в 1734 г. начальник Оренбургской экспедиции И. Кириллов писал российской императрице: «Ныне же, когда киргис-кайсаки подданными учинились, то ... зенгорскому владельцу мочно или киргисцами или башкирцами... всякую шкodu учинить без российских войск» [4. С. 107]. Однако эти надежды не оправдались, о чем отмечал П. Румянцев: «... Степь продолжала жить, не считаясь совершенно с дипломатическими действиями своих ханов» [5. С. 23].

По подсчетам Пограничной комиссии, с 1764-го по 1800-й гг. в казахской степи разграблению подверглись 20 караванов с товарами на сумму 1,5 млн р. [6. С. 55]. Продолжались набеги и на российские приграничные селения, правда, здесь надо отметить, что обстановка на сибирской пограничной линии отличалась от той, которая сложилась на Оренбургской, на что обращали внимание и высшие военные чины того времени. В своем рапорте Коллегии иностранных дел Оренбургский губернатор И. Неплюев сообщал в 1747 г.: «... От Средней Орды, которая кочует к сибирской стороне, яко то: Барака, Ерали и Аблая – салтанов и от самого Абулмамат-хана, також и от Жанбек-тархана и их подчиненных – никаких предерзостей не бывало и нет» [4. С. 344].

По казахским традициям в случае необходимости (смерти хана или недовольства им) представители знати проводили съезд и выбирали из числа султанов нового хана. В отличие от Оренбургской администрации, которая фактически навязывала казахам Младшего жуза удобного ей претендента, в Среднем жузе казахи проводили выборы хана самостоятельно, а потом представляли администрации пограничной линии своего кандидата. Новый хан утверждался российскими властями и приносил присягу «на верность» правящему монарху. В 1771 г. ханом был избран султан Абылай, но лишь в 1778 г. он обратился к императрице Екатерине II с просьбой признать его ханом, но данное обращение скорее было вызвано тем, что он претендовал на звание хана всех трех жузов и нуждался в военной помощи: «... Прошу ежели бы между нашими киргиз-кайсаками случилось, когда в собрании изменники и плуты, для воспрепятствования злого их предприятия к России вреда, а при том и воздержания их в потребные мне времена высочайше повелеть из находящихся на границах войск Вашего величества мне на короткое время давать столько, сколько когда понадобится ...» [7. С. 86–87]. Однако Абылай был признан ханом только Среднего жуза и в помощи российских войск ему было отказано [7. С. 96]. В связи с этим канцлер Н. Панин написал Абылаю письмо, в котором казахам были предъявлены претензии по поводу грабежа российских купцов и вооруженных нападений на российские пограничные селения: «... Такие киргиз-кайсацкия поступки не только с должностию подданства, но ниже с добрым соседством несходны и не совместны, и что буде, наконец, здешнее терпение истощится, и правяя за виноватых пострадать могут» [7. С. 93]. Абылай был разгневан отказом царского правительства оказать ему вооруженную поддержку и признать его ханом всех трех казахских жузов [7. С. 95–96]. Он не пожелал официально присягать Екатерине II в качестве хана, мотивируя это тем, что не желает вызвать недовольство китайских властей, которые в этот период добивались признания вассальной зависимости казахов Китаю [8. С. 229]. Относительное «спокойствие» казахов у сибирских границ объяснялось, на наш взгляд, сложным геополитическим положением Среднего жуза. Пути кочевания казахов Среднего жуза были удалены от российских границ и часть их проходила по территории, на которую претендовали другие государства, в частности, Китай.

Среди исследователей, изучавших вопросы, связанные с колонизацией Казахстана, укрепилось мнение, что российский протекторат над казахскими жузами в XVIII веке выразился, в первую очередь, в контроле над внешнеполитической деятельностью жузов [3. С. 252]. На наш взгляд, такие утверждения являются не совсем верными. Царская администрация пыталась контролировать дипломатические действия казахских владельцев, однако на протяжении XVIII века они продолжали

проводить достаточно самостоятельную внешнюю политику, особенно правители Среднего жуза. Царская администрация нередко не знала внешнеполитических планов и действий казахских правителей, для получения которых и сбора различного рода информации военным руководством посылались в степь агенты-разведчики. Например, в начале 40-х гг. XVIII столетия российские власти были недостаточно информированы о состоянии казахско-ойратских отношений. Такой вывод можно сделать на основании того, что для изучения обстановки в степи, под видом купца, едущего торговать в Джунгарию, в казахские улусы был направлен вахмистр С. Соболев, перед которым была поставлена задача узнать о «настроении» наиболее влиятельных представителей казахской знати. Российские власти опасались создания казахско-ойратского военного союза, что видно из следующих слов: «... Не склоняются» ли они к Джунгарии, не поставляют ли они людей в ойратское войско, не посылались ли ими в Джунгарию аманаты (заложники), а если посылались, то по каким причинам — из-за боязни джунгарских набегов и желания их предотвратить или «в знак невольной склонности, или сами желают у ... Галдан-Чирина находится в протекции» [9. С. 74–77]. Получить информацию о внутрисполитическом положении Среднего жуза и международных контактах султана Абылая военное руководство сибирских линий поручило Сафару Салаеву, который в 1760 г. был отправлен к султану Абылаю (по просьбе последнего) в качестве муллы, переводчика и писаря. В секретной записке, составленной командованием для Сафара Салаева, перечисляются сведения, которые ему необходимо было узнать, а именно: численность и местонахождение казахских войск, кто их возглавляет, готовятся ли войска в поход и против кого, с кем султан Абылай ведет сношения и нет ли у него послов других государств, как складываются казахско-китайские отношения и т.п. [10. Л. 11–16].

«Особый интерес» царское правительство проявляло в это время к внешнеполитической деятельности китайских властей, — так, по мнению Б. Гуревича, отказ султана Абылая поддержать китайские войска в случае российско-китайского военного конфликта, в определенной мере заставило императора Цяньлуна изменить военные планы (вступить в войну с Россией — автор) [11. С. 140–142, 150, 153–158]. Для того, чтобы расположить к себе наиболее влиятельных представителей казахской знати, китайские эмиссары использовали традиционные в отношениях с кочевниками приемы, давая им многочисленные обещания и щедрые подарки. Не отставала в этом вопросе и царская администрация, например, в 1758 г. царское правительство наградило именным оружием (саблями) султанов Ералы, Айшуака и Абылая, причем Абылай получил самую дорогую награду. В следующем, 1759 г. султану Абылаю было назначено от российского правительства жалованье в размере 200 р. в год [4. С. 568, 598].

Казахско-русские взаимоотношения на уровне руководства приобретали все большую интенсивность, — так, для приема казахской родовой знати с 1764 г. «указом Сената повелено отпускать в распоряжение начальника военно-пограничных линий Сибири по 1000 р. в год» [12. С. 52]. Из этой суммы 400 р. оставались в г. Омске, остальная сумма распределялась по другим крепостям Иртышской линии. Между влиятельными казахскими правителями и царской администрацией велась интенсивная переписка. Это свидетельствует, безусловно, о потеплении отношений между казахами и русскими, правительство таким образом пыталось, и весьма небезуспешно, приблизить к себе казахскую знать.

Следует отметить, что до определенного времени царское правительство относилось к «зарубежным», т.е. левобережным казахам осторожно, опасаясь осложнений с Китаем и занимало удобную для себя выжидательную позицию. Однако, на наш взгляд, стремление упрочить торговые пути в Китай и Туркестан, и далее, — в Индию, а также политический кризис, имевший место в Среднем жузе после смерти хана Абылая и выразившийся в беспрепятственных межродовых раздорах из-за пастбищ и усобицах между султанами за власть в казахской степи, коренным образом изменили политику России в отношении казахов. Царское правительство, а также местная сибирская администрация решили воспользоваться сложившейся в Среднем жузе сложной политической обстановкой и постепенно перейти от политики номинального подчинения казахов своему влиянию к политике их законодательного, административного подчинения.

В начале XIX столетия, когда, по мнению правительства, наступил благоприятный момент для постепенного продвижения вглубь казахских степей вследствие отмеченного нами выше политического кризиса в Среднем жузе, не только казахским аулам разрешено было переходить укрепленные линии для кочевков в Сибири, но идет обратный процесс, — сибирские казаки начали выезжать в степь с целью освоения новых территорий. Так, в 1801 г. сибирские казаки получили официальное разрешение правительства на лов рыбы и сбор дикорастущего хмеля в заграничной стороне без сбора с них таможенных пошлин, а в 1803 г. казакам разрешили сенокосение на левобережье Иртыша [12. С. 84–87]. Следует отметить, что более благоприятный режим перехода границы между казахской степью и вновь приобретенной Россией территорией позволил казахам, с одной стороны, и сибирским линейным казакам, — с другой, решать некоторые хозяйственные вопросы благодаря включению в сферу своей экономической деятельности новых районов и двусторонним обоюдовыгодным торгово-экономическим связям.

Расширение казахско-русских отношений в конце XVIII — начале XIX вв. требовало разрешения спорных вопросов и тяжб между казахами и русскими. Так, в 1798 г. вышел указ об учреждении

в Петропавловской крепости суда, который разбирал бы обоюдные претензии между переселенцами и казахами, возникающие в приграничных районах [12. С. 82]. Так, в марте 1800 г. в Петропавловской крепости открылся Пограничный суд с двумя присутствиями в крепостях Семипалатинской и Усть-Каменогорской [13. С. 14]. Но фактически эти учреждения не действовали, так как казахи предпочитали обращаться со своими проблемами и жалобами в пограничную комиссию, к руководству пограничных линий и командованию Сибирского линейного казачьего войска. Практически все дела по разбору взаимных обид между казахами и казаками приходилось решать Войсковой канцелярии, — большей частью это были имущественные и денежные споры [14. Л. 1–9]. Командирам подразделений, расположенных в приграничных населенных пунктах, вменялось в обязанность разбираться в деле и удовлетворить прошение истца, а затем рапортовать вышестоящему командованию. Например, в течение весны 1807 г. было произведено разбирательство по четырем таким делам, в феврале 1807 г. на жалобу старшины Бигожина о том, что у него несущими службу казакими в редуте Усть-Заостровском увезено сено младшим урядником Старицыным с сыном, — войсковое руководство поручило уряднику Булдакову «учинить разбирательство, обнаружить виновных в увозе сена ...» [15. Л. 68]. В марте этого же года поручику Вяткину было приказано разбираться с жалобой казаха, у которого казаки отобрали 30 лошадей [15. Л. 80]. В апреле 1807 г. уряднику Набокову было предписание провести расследование по жалобе Тасболата Иссергетова, который в 1806 году продал одному казаку быка, но деньги (1,5 р.) за этого быка не получил, Набокову необходимо было расследовать дело и если жалоба справедлива, «непременно просителя удовлетворить» [15. Л. 136]. В мае 1807 г. обстоятельства дела о долге рассматривал поручик Леденев, согласно которого казах Усен дал в долг 3 р. уряднику Зензину из редута Чистого и не мог его взыскать, Леденеву было указано разбираться и если урядник Зензин окажется виновным, то взыскать с него долг, а истца удовлетворить [15. Л. 143]. Подобных дел (имущественные споры между казахами и линейными казаками) в первые десятилетия XIX в. было достаточно много. Тяжбы рассматривались по приказам свыше командирами казачьих подразделений и если жалоба казаха была справедлива, то казак был обязан возместить нанесенный им ущерб. В случаях воровства скота применялись более строгие меры, — так, в ноябре 1803 г. генерал-майор Н. Лавров сообщал, что он приказал «участвующих с ясажными крестьянами в отгоне у киргизцев 70 лошадей казаков Павла Чинтеева и Матвея Копейкина ... отдать под воинский суд» [16. Л. 401]. Войсковое руководство старалось при обращении к нему казахов с жалобами на линейных казаков всегда провести расследование, гораздо труднее приходилось в случае нанесения «обиды» казаку со стороны казахов. Даже если кочев-

ник, нанесший ущерб казаку, был задержан на «внутренней стороне» пограничных линий, не всегда войсковое командование знало, как взыскать с него убытки. Например, весной 1807 г. был пойман казах, угнавший у линейных казаков 10 лошадей, при нем оказалась только половина лошадей и перед командованием встал вопрос о том, как вернуть пострадавшим казакам остальных лошадей [15. Л. 90].

Стремление пограничных властей справедливо решать споры, возникающие между казахами и русскими, привело к тому, что казахи начали обращаться к российским властям и в случае разногласий между собой. Например, в начале 1807 г. к войсковому командованию обратился казах с жалобой на своего соплеменника, которому он дал в долг лошадь для поездки в Омск, должник же лошадь не возвратил. Линейное командование приняло решение обязать командира местного казачьего подразделения разыскать должника и вернуть лошадь владельцу [15. Л. 77].

На рубеже XVIII–XIX вв. функции по поддержанию отношений с казахами все более перекладываются царским правительством на местную администрацию, так как с расширением казахско-русских связей тотальный контроль за ними со стороны центральной власти становился неэффективным в силу отдаленности казахских степей Среднего жуза. Противоречивость казахско-русских отношений, сопровождавшихся нередко военными столкновениями, зависела и от незнания российскими властями казахских обычаев и традиций.

Сбор норм обычного права казахов (адата) начал производиться специальной комиссией при Омской военной канцелярии лишь в 20-х годах XIX столетия, а до этого причину «неспокойствия» в степи царская администрация видела в кочевом образе жизни казахов и ханской власти. Отношение царского правительства к ханской власти носило двойственный характер: с одной стороны, российские чиновники понимали, что ханам сложно навести порядок в степи и что авторитет ханской власти имеет ограниченный характер в связи с усилением в этот период родоуправителей. С другой стороны, ханы представляли определенное консолидирующее начало в жузах и сохраняли еще былой авторитет и славу. Отсюда перед царским правительством стоял вопрос: укрепить политическую роль ханов, подчинив их своему влиянию, или ослабить ханскую власть и ориентироваться на биев и старшин?

На протяжении XVIII века царской администрацией делались определенные шаги по созданию опоры среди казахских родоуправителей, наиболее влиятельные из которых наравне с ханами давали присягу «на верность» России, некоторым из них правительство назначало жалованье, велась переписка между российскими чиновниками и казахскими старшинами. Однако проекты создания политического противовеса ханской власти в Сред-

нем жузе оформились лишь в конце XVIII в., в связи с правлением Уали хана, сына Абылая. Через несколько лет после утверждения его ханом российские власти пришли к выводу, что выбор казахской знати оказался неудачным. Не все казахские роды признавали авторитет Уали хана, например, роды тортул (найман) и каракесек (аргун) не подчинились ему и выбрали собственного хана, — им стал Даир, сын Барак султана [17. С. 7]. В 1794 г. Уали хан принял китайское подданство, что вызвало недовольство царского правительства, а также части казахской родовой знати. Так, в январе 1795 г. от двух казахских султанов и 19-ти старшин с подвластными им людьми на имя императрицы было подано прошение «о ограждении их единственным российским правлением» [7. С. 141–142].

Итак, часть казахской знати вопреки общественному мнению добровольно соглашалась признать российские законы в обмен на предоставление им широких полномочий и привилегий, в связи с чем начальник сибирских пограничных линий генерал-поручик Г. Штрэндман предложил направить в степь войска «для занятия мест, означенных киргисцами, ныне прошение подавшим ...» [7. С. 142]. Именно с этой целью он решил увеличить численность линейных казаков, однако, считая монархию единственно возможной формой правления, царское правительство не могло лишить власти Уали хана, как правителя Среднего жуза, ибо такие действия вызвали бы массовые беспорядки в степи. В 1801 г. Г. Штрэндман составил новый проект политического устройства Среднего жуза, прямо противоположный предыдущему. В своей записке Александру I он предложил усилить власть хана Уали и послать к нему казачий отряд в количестве 50-ти человек. Командир отряда и хан со своим окружением должны жить совместно и, по мнению Штрэндмана, осуществлять управление жузом. Получая жалованье от правительства, Уали хан с несколькими султанами стали бы российскими чиновниками, но с более широкими полномочиями, однако решение важных вопросов Штрэндман считал необходимым передать в ведение командующего сибирскими пограничными линиями, но эти планы не были претворены в жизнь [13. С. 237].

Лишь в 1816 г. царская администрация пошла на ограничение власти хана Уали, из его подчинения были выведены восточные районы Среднего жуза, ханом которых был утвержден султан Бокей. После смерти хана Бокея в 1819 г., а затем и хана Уали царское правительство решило упразднить ханскую власть в Среднем жузе, а командиру Сибирского корпуса было поручено «отклонить всякий приступ к выбору» нового хана [7. С. 183]. Правительство мотивировало этот шаг тем, что «свойства сына хана Валия и обстоятельства его семейства не только здесь, но и на месте... недовольно начальству еще известны» [7. С. 182]. Также указывалось на то обстоятельство, что в результате выборов хана в Среднем жузе может прийти недостойный кандидат, так как не все

казахи могут принять участие в выборах, но главная причина заключалась в решении не допустить «по-слабления», чтобы выборы не прошли «без дозволения и без руководства нашего» [7. С. 182].

Решительность царского правительства в этом вопросе объясняется прежде всего нестабильной обстановкой в Среднем жузе, междоусобицами и междоусобицами внутри казахского общества, а также усилением позиций России в европейской политике и окончанием войны с Наполеоном. Теперь Россия могла приступить к решению внешнеполитических проблем на своих восточных окраинах. Кроме того, пограничная система управления Средним жузом, как казалось правительству, исчерпала себя и было решено «создать органы правительственной власти внутри самой орды» [5. С. 153]. Начало этому шагу положили, как известно, реформы М. Сперанского и введение в Среднем жузе в 1822 г. составленного под его руководством «Устава о сибирских киргизах».

Таким образом, если первоначально кочевники казахских степей воспринимались царским правительством как враждебная сила, от которой необходимо было защититься сетью военных укреплений, а налаживание политических связей с казахскими жузами рассматривалось царской администрацией как средство контроля караванных путей в Сред-

нюю Азию, то в конце XVIII — начале XIX вв. отношение России к казахам коренным образом изменилось. Снижение напряженности на сибирских пограничных линиях в связи с ослаблением Среднего жуза после смерти хана Абылая, а также взаимные хозяйственные интересы населения юга Западной Сибири и казахов Среднего жуза привели к тому, что на сибирских рубежах был установлен определенный режим перехода границы, казахские кочевья появляются на российской территории, а русские люди, в первую очередь линейные казаки, получили возможность выезда в степь. Изменение внешнеполитической ситуации на юго-восточной границе в пользу России, а также появление казахских кочевий во внутренних районах (на правобережье Иртыша) заставили пограничную администрацию приступить к решению вопросов обеспечения бесконфликтного развития отношений между оседлым населением Западной Сибири и казахами-кочевниками. С расширением казахско-русских отношений царская администрация отказывается от политики невмешательства во внутренние дела Среднего жуза и начинает искать пути укрепления своего влияния среди казахских родов, — итогом этой деятельности, как известно, явилось решение упразднить власть хана в Среднем жузе и ввести в казахской степи российскую систему управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. — СПб., 1906. — Т. 1. — 219 с.
2. Словцов П. Историческое обозрение Сибири. — СПб., 1886. — Кн. 2. — 385 с.
3. Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI — XVIII вв. — Алма-Ата: Наука, 1971. — 274 с.
4. Казахско-русские отношения в XVI — XVIII веках: Сб. документов и материалов / Под ред. М.О. Джангалина, Ф.Н. Киреева, В.Ф. Шахматова. — Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1961. — 529 с.
5. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. — СПб., 1909. — 247 с.
6. Михалева Г.А. Торговые и посольские связи России со Среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII — первая половина XIX века). — Ташкент: Фан, 1982. — 259 с.
7. Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1861 гг.): Сб. документов и материалов / Под ред. М.О. Джангалина, Ф.Н. Киреева, В.Ф. Шахматова. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964. — 459 с.
8. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032—1882 гг. — Сургут: Северный дом, 1993. — 289 с.
9. Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири. — М., 1867. — 324 с.
10. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 83.
11. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII-первой половине XIX в. — М.: Наука, 1979. — 311 с.
12. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. — Омск, 1891. — 298 с.
13. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. — СПб., 1889. — Ч. 1—2. — С. 264.
14. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 58.
15. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 24.
16. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 11.
17. Кузембайулы А., Абилов Е. Казахстан в 17 — начале 20 в.в. — Костанай: Изд-во Костанайского сельскохозяйственного ин-та, 1995. — С. 159.

Поступила 22.12.2005 г.